

Глава 90. Парк развлечений Ангела 20

После этого они направились к ближайшему аттракциону. Яо Хаохао и её группа уже объяснили им механику аттракциона, и к их приходу ничего не изменилось. Едва они сняли белое платье со столба, иллюзия мгновенно рассеялась.

Так вся шестёрка получила печать [Лошади].

Обед ещё не начался, и по пути к аттракциону «Бамперные машинки "Бычок"» их нагнала вышедшая на поиски Яо Хаохао. Увидев Чу Ю с командой, она вопросительно взглянула на Лу Хуэя.

— Новые союзники. — пояснил он, кивнув в сторону группы.

Яо Хаохао понимающе кивнула. А Нянь Пинчу не выдержал и ткнул пальцем себе в ухо:

— Босс, а это у тебя что?

Лу Хуэй машинально коснулся серёжки в левом ухе. Благодаря спрею и способности Мин Чжаолия [Исцеление] прокол уже не болел и ощущался как старый пирсинг. Но лёгкое присутствие металла напоминало о себе, стоило ему хоть на секунду отвлечься. За все эти часы у него почти не было возможности расслабиться, поэтому он напрочь забыл о серёжке.

Лу Хуэй не стал объяснять природу предмета, а лишь спросил:

— Какого цвета?

Нянь Пинчу опешил, но Ци Бай мгновенно просёк подоплёку. Он прекрасно считывал атмосферу и догадался, что дело в Мин Чжаолине:

— Красная, брат.

Лу Хуэй тихо цыкнул и легонько толкнул Мин Чжаолия плечом:

— Терпеть не могу красный.

Он ведь мог выбрать любой оттенок. Мин Чжаолинь удивлённо вскинул бровь:

— И за твои цветовые предпочтения я тоже отвечать должен?

Он тихо усмехнулся:

— Мы уже настолько близки, чтобы мне подстраиваться под твой вкус?

К тому же, красный «Цзюнь Чаоманю» шёл. Подчёркивал его.

Нет, до такой близости им было ещё далеко.

Лу Хуэй ещё раз помассировал мочку и махнул рукой. Ладно, пусть будет так. Под ошарашенными взглядами окружающих он сменил тему:

— Давайте к делу. Время не ждёт.

Яо Хаохао мысленно отметила: «До чего же странные у вас отношения, парни», но вслух сразу перешла к сути:

— Мы всё выяснили.

Она действительно испытывала уважение к аналитическому уму «Цзюнь Чаомаля»:

— Всё так, как ты и предполагал. Игроки гибли не из-за прогулок после десяти и не из-за ассимиляции. Их настигала расплата за проявление «неудовольствия» после аттракционов.

Лу Хуэй кивнул, ничуть не удивившись:

— Главное, теория подтвердилась. Пошли собирать печати.

Яо Хаохао приоткрыла рот, желая добавить что-то ещё, но слова застряли в горле. В этом мире смерть была обыденностью. Чем он мог помочь? Правило [Давайте весело играть вместе!] знали все. Лу Хуэй уже озвучил свои догадки и посоветовал свести контакты с аттракционами к минимуму. Он сделал всё, что мог. Для него это был всего лишь мир книги. Остальные — персонажи. Стоит ли принимать всё слишком близко к сердцу?

Аттракцион «Бамперные машинки "Бычок"» оказался именно таким, как ожидал Лу Хуэй. Он думал, что [Ангела] привяжут к капоту, но его снова зафиксировали на центральном столбе. Им досталось четыре двухместные машинки, а игроков было девятéro, так что пришлось потесниться. Помимо них, по площадке носились девять пустых «машин-призраков», бешено

несясь напрямиком на [Ангела].

Лу Хуэю и остальным пришлось отчаянно блокировать их на пути. Способности у всех были либо временные, либо с жёстким лимитом, так что приходилось экономить ресурсы и полагаться на грубую силу и выносливость. К счастью, [Ангела] удалось отстоять, и группа получила печать с мультяшной мордой быка.

Время ещё позволяло, и они двинулись к расположенному неподалёку аттракциону «Весёлый поросёнок». Ещё во время первого осмотра Лу Хуэй заметил, что он относится к водным, поэтому находился рядом со «Змеиными поворотами». По сути, это были гигантские сферы для хождения по воде, и каждому игроку полагался отдельный шар. Услышав от сотрудника, что их разделят, Лу Хуэй невольно присвистнул.

В голове сразу пронеслась мысль: Неужто нас сразу телепортирует в открытое море?

Реальность не заставила себя ждать. Так оно и было. Стоило им забраться внутрь сфер, как декорации сменились на бескрайний океан, по которому бушевал свирепый ветер.

Мин Чжаолинь не колебался ни секунды. Он мгновенно разрезал оболочку своего шара и рухнул в воду. Лу Хуэй знал, что тот отлично плавает. Поэтому он поразмыслил и решил не мешать. Он позволил Мин Чжаолиню в одиночку добраться до центра, где сфера с [Ангелом] начала протекать, и спасти его. За это они получили печать с мультяшной свиной мордочкой.

Когда сотрудник с улыбкой проставил последнюю печать, Лу Хуэй даже тихонько похлопал в ладоши:

— Босс, ты и вправду крут.

Мин Чжаолинь, которому всё ещё мерещился запах морской соли, скользнул взглядом по его сияющей и откровенно довольной физиономии и тихо фыркнул. Именно в такие моменты он понимал, что, когда «Цзюнь Чаомань» сказал, что ему восемнадцать — он не соврал. Он столько наблюдал за игроками и NPC, что прекрасно знал: в разном возрасте люди ведут себя по-разному. Конечно, встречались и рано повзрослевшие, и вечные дети, но большинство всё же проходит через определённые этапы. «Цзюнь Чаомань» порой вёл себя с пугающей зрелостью, но в мелочах вновь проявлял свою детскую, озорную натуру.

Мин Чжаолинь искоса наблюдал, как Лу Хуэй, улыбаясь подобно хитрой лисичке, вертел в руках карточку. В его длинных пальцах прямоугольная карта казалась совсем крошечной. Эта ловкость мгновенно напоминала, как тот управлял ножом-бабочкой.

Мин Чжаолинь вдруг осознал, что Лу Хуэй был из тех, кому постоянно нужно что-то вертеть в руках. Во время разговора он вечно касался его — то локтем в плечо, то пальцем в спину. Его руки никогда не знали покоя: стоило возникнуть напряжению, как он уже доставал нож-бабочку. Даже когда думал, любил пощёлкать ножом, будто металл помогал сосредоточиться.

...Чем-то напоминал кошку, которой постоянно хочется что-то поцарапать. Лапы так и чешутся.

Мин Чжаолинь отпустил кончики волос, тихо усмехнулся и, прежде чем Лу Хуэй успел среагировать, поднял руку и легонько ущипнул его за щёку.

Мяса на щеке оказалось не так много, но на ощупь — вполне упругое.

— ...? — Лу Хуэй недоумевал.

Он замер, в голове роились сплошные знаки вопроса.

Мин Чжаолинь же просто проигнорировал его растерянность, словно ничего и не было:

— Пора.

Уже почти одиннадцать. Самое время обедать. Тем более что ровно в двенадцать у них намечено дело.

Лу Хуэй лишь выдохнул:

— Ага.

И всё-таки, зачем он его ущипнул?

Сам он так и не понял, почему не задал этот вопрос вслух.

.

Обед снова прошёл в формате шведского стола, что позволило Лу Хуэю попробовать всё, что он пропустил накануне, и заесть парой лишних пирожных. После такого напряжённого утра аппетит вырос вдвое, так что вместе с Мин Чжаолинем они устроили настоящее соревнование по возведению башен из пустых тарелок.

Незадолго до двенадцати, направляясь к выходу, Лу Хуэй не забыл закинуть в рот леденец. Он и правда обожал сладкое, и это бросалось в глаза всем.

Лу Хуэй заранее предупредил группу, что дело деликатное, и попросил не следовать за ними, чтобы не спалиться. Поэтому даже Чу Ю с командой не стали рисковать, решив не лезть на рожон.

Для подстраховки Лу Хуэй снова сменил данные на карте, и вместе с Мин Чжаолинем они укрылись за углом, откуда заметили повара, выносящего поднос с крышкой — точь-в-точь как в кино: белая посуда, блестящий металлический колпак.

Немного подождав, они бесшумно проследовали за ним. Повар покинул отель и сел в экскурсионный автобус.

Автобус ехал довольно быстро, но они вполне могли за ним угнаться. Им не нужно было бежать впритык — достаточно держать транспорт в поле зрения. Да и автобус мог ехать только по главным дорогам, а у них всегда оставался шанс срезать через переулки.

Когда машина наконец остановилась, Лу Хуэй и Мин Чжаолинь, не сбавляя хода, двинулись следом.

Лу Хуэй слегка прищурился.

Повар свернул на тропинку, ведущую к тому самому пустырю в юго-восточном углу.

Проводив его взглядом, они переглянулись. Лу Хуэй остался на месте, а пошёл Мин Чжаолинь. Навыки слежки у него были на голову выше, так что в одиночку ему действовать было куда безопаснее.

Спустя совсем немного времени Мин Чжаолинь вернулся:

— Ну что?

Уголок его губ дрогнул в усмешке:

— Всё так, как ты и думал.

Лу Хуэй тихо присвистнул.

Та самая «доставка» отправлялась напрямиком в [Лабиринт Ангела].

Неужели там взаперти держат настоящего [Ангела]?

— ...Если мы выберем сторону [Ангела], нам придётся его спасти? — спросил Лу Хуэй.

Вслух он озвучил это лишь для порядка. Догадка уже была. И ответ был очевиден.

Но почему [Дьявол] может свободно бродить, а [Ангел] — нет?

Лу Хуэй раскусил остатки леденца, задумчиво перебирая в кармане карточку. Может, всё дело в том, что сила, которую [Ангел] «делил» с ними, слишком мощная? Хотя... возможно, и [Дьявол] не так уж свободен. Может, он привязан к отелю? У каждого своя территория?

Лу Хуэй слегка нахмурился:

— ...Чувствую, чего-то не хватает.

Всё из-за той нераскрытой загадки с «журналистикой»? Или «журналистика» — просто фоновая деталь лора? Может, её приберегут, чтобы отличать настоящих игроков и учителей от подставных? Но на студенческих картах же чёрным по белому написано. Даже если кто-то попытается прикинуться, достаточно одного взгляда. Или сущность, способная их маскировать, не умеет читать? А может... раз журналисты по определению работают под прикрытием, это с самого начала намекало на возможность смены ролей? Вполне возможно, что верны оба варианта?

Мысли унеслись слишком далеко, и только щелчок пальцев Мин Чжаолиня прямо перед его лицом вернул его к реальности:

Лу Хуэй: «?»

Он догрыз последние крошки карамели и спросил:

— В чём дело?

Мин Чжаолинь не спеша протянул:

— Хочешь узнать мою версию?

Лу Хуэй уставился на него с преувеличенным изумлением:

— Боже правый, братец, ты решил включить мозг? Солнце что, сегодня на западе взошло? Ну же, выкладывай!

Мин Чжаолинь лишь молча посмотрел на него, затем цыкнул:

— Продолжай язвить, и я найду способ заткнуть тебе рот.

Лу Хуэй рассмеялся, покачал головой и замолчал.

За что тут же получил «воспитательный приём».

Мин Чжаолинь широко раскрыл ладонь, захватив ею нижнюю часть лица Лу Хуэя. Большой и указательный пальцы легко сомкнулись на скулах, слегка сжимая. Лу Хуэй, всё ещё улыбаясь, будто это был лишь дружеский трёп, тут же попросил пощады, обхватив его запястье:

— Всё, всё, я понял. Хватит дурачиться.

Мин Чжаолинь и правда лишь слегка припугнул его, не испытывая настоящей злости. Словно хозяин, который беззлобно шлёпает по носу озорного кота, вечно сующего лапы куда не следует.

— И кто это начал? — спросил он.

Говоря это, он всё же убрал руку и вернулся к делу:

— [Пруд желаний Божественной Овцы] связан с [Ангелом], но выбивается из общего ряда зодиакальных знаков. Тут ещё есть [Петух], которого вообще нет в названиях аттракционов. В одном из прошлых инстансов я встречал отсылку, что [Овца] символизирует ложь, а [Петух] — верность слову и защиту от нечисти*.

* Овца/Коза (羊, yáng) и Петух (鸡, jī) в китайской культуре несут устойчивые символические значения. 羊 традиционно олицетворяет мягкость, гармонию и благожелательность (иероглиф 羊 «благополучие» исторически восходит к 羊), а в некоторых литературных контекстах может ассоциироваться с пассивностью или доверчивостью. Однако в западной культуре коза (которая в китайском языке также обозначается иероглифом 羊) ассоциируется с нечистой силой, дьявольским началом и обманом, что может объяснить её связь с иллюзиями и двуличием. 鸡 же символизирует бдительность, приход рассвета и способность отпугивать нечистую силу: его крик знаменует победу янской (светлой) энергии над иньской (тёмной), что в народном фольклоре считается естественной защитой от духов.

Мин Чжаолинь не спеша добавил:

— Есть ещё версия, что он олицетворяет свет и справедливость.

Лу Хуэй на секунду замер. Разумеется, он знал об этом. Когда писал книгу, он перечитал гору материалов и сам же вписал эти отсылки. Но даже самый ясный ум порой заикливается на мелочах, особенно когда оказываешься внутри собственных замыслов в совершенно иных обстоятельствах.

— ...Ты полагаешь, что печати [Петуха] и [Овцы] нельзя получить на аттракционах? — задумчиво протянул Лу Хуэй. — Скажем, [Овца] может маскироваться под игрока или преподавателя.

Ведь изначальные системные правила [Слушайте указания двух кураторов] и [Все студенты и преподаватели носят университетские карты. Не теряйте их] прямо намекали, что здесь есть нечто, способное принимать их облик.

— [Овца]? Но как тогда получить её печать? И что насчёт [Петуха]... — пробормотал он. — Петухи начинают кукарекать на рассвете... Неужели это отсылка к свету?

У [Ангела] ведь есть нимб... Но это слишком натянуто. И тем не менее Лу Хуэй решил, что во второй половине дня они испытают аттракцион «Вращающиеся чашки».

Так они и сделали. В итоге, раскрутившись до головокружения и спася [Ангела], они не получили ничего. Но! Даже без печати сотрудник не спросил, понравилось ли им. Это тоже была зацепка. Значит, спасение [Ангела] гарантирует защиту от назойливого внимания [Дьявола].

Затем они посетили аттракционы «Обезьяна, ловящая луну» и «Небесный пёс, пожирающий луну». Там им встретился Вэнь Юаньшуй, и вместе они добыли печати [Обезьяны] и [Пса]. Утром же, из-за нехватки информации, Вэнь Юаньшуй зря потратил время на [Тигра] — печать уже забрали другие.

— В таком случае, считай, мы «выполнили основную задачу», — Лу Хуэй провёл пальцем по карточке. — Кроме неуловимого [Петуха] и опасной [Овцы], которую лучше не трогать, всё остальное у нас.

Любой, кто проводил с Лу Хуэем хотя бы пару часов, инстинктивно начинал видеть в нём лидера. Вэнь Юаньшуй спросил:

— И что делаем дальше?

Лу Хуэй глянул на часы:

— Пора обедать. Честно говоря, после всей этой беготни желудок уже урчать начал.

Он машинально открыл приложение «Университета Ангела» и увидел, что Лю Цинмин тегнул его в общем чате.

[Лю Цинмин: @Цзюнь Чаомань, босс, у [Священного пруда ангела] творится что-то неладное.]

Сейчас все знали, что телефоны тоже подчиняются правилам, и просто так писать в чат рискованно. Но раз Лю Цинмин пошёл на такой шаг, значит, стряслось что-то серьёзное. Поэтому Лу Хуэй без колебаний сменил маршрут:

— Сначала к [Священному пруду ангела].

До пруда было неблизко, автобус поблизости не курсировал, так что пришлось идти быстрым шагом минут двадцать. Добравшись, они увидели, возможно, из-за сообщения Лю Цинмина, что у [Священного пруда ангела] уже собралась толпа.

Тесниться не пришлось — статуя была огромной, и они отлично видели, что [Ангел], который вчера был лишь гладким силуэтом без лица, сегодня обрёл едва заметные черты. Пока это напоминало лишь первые штрихи, и непонятно было, что именно проступает, но ясно одно, что вчерашняя гладкая поверхность теперь покрыта рельефом.

Все замерли. Мин Чжаолинь уставился на лицо статуи и медленно нахмурился.

Заметив их, Лю Цинмин поднял руку для приветствия:

— Боссы, вы... Эй?!

Он не договорил, и голос резко сорвался. Потому что Мин Чжаолинь внезапно схватил Лу Хуэя за предплечье и рывком потащил в сторону.

Толпа опешила. Лу Хуэй тоже не сразу сообразил в чём дело:

— ...?

Спотыкаясь, он сделал несколько шагов, но, быстро придя в себя, выровнял шаг и пошёл нормально:

— Мин Чжаолинь?

Мин Чжаолинь не ответил, но его взгляд потемнел, став таким тяжёлым, что по спине побежали мурашки. Рядом как раз находился общественный туалет. Он затащил Лу Хуэя внутрь и буквально втолкнул в ближайшую кабинку.

В туалете было на удивление чисто, горела ароматическая палочка. Запах был, но не отталкивал.

— Ты что делаешь... — начал Лу Хуэй, но не договорил.

Мин Чжаолинь прижал его к двери, одной рукой намертво зафиксировав оба запястья над головой. Лу Хуэй тихо зашипел. Не успел он опомниться, как по спине пробежал холодок — Мин Чжаолинь рывком задрал ему рубашку!

Молча глядя на узкую талию, на бледную кожу, испещрённую старыми и свежими шрамами, Мин Чжаолинь увидел два едва проступающих слова. Он усмехнулся. В этой ухмылке гнев переплелся со странным, почти ликующим возбуждением, и пальцы впились в запястья Лу Хуэя ещё крепче.

Лу Хуэй поморщился от боли:

— ...Ты окончательно свихнулся?!

Едва он собрался выругаться, как горячая ладонь Мин Чжаолиня легла ему на поясницу. Кожа обжигала, а грубые мозоли на пальцах ощущались особенно остро. Стоило им скользнуть по едва зажившей коже, как Лу Хуэй резко дёрнулся, и голос сорвался на хриплый выдох:

— Бля...

Он и правда редко ругался матом:

— Ты, какого хрена...

Мин Чжаолинь крепко обхватил его за талию. Четыре пальца уперлись в напряжённый пресс, а ладонь, прижатая к боку, намертво фиксировала корпус. Подушечка большого пальца легла на эти два слова. Он резко провёл по ним, и Лу Хуэй, напрягшись и слегка запрокинув голову, невольно издал сдавленный стон. На коже проступили красные полосы, но смутно проступающие символы не стёрлись. Выражение лица Мин Чжаолиня окаменело. Сдерживать рвущуюся наружу агрессию он больше не мог.

Он разжал пальцы на запястьях, но, когда Лу Хуэй попытался обернуться и ударить, Мин Чжаолинь молниеносно перехватил его за загривок. Лу Хуэй инстинктивно вцепился ему в предплечье. В этой позе Мин Чжаолинь буквально сорвал его с дверцы кабинки и прижал к собственной груди. Сжав зубы так, что ходуном ходили желваки, он процедил голосом, от которого веяло жаждой крови:

— А-Мань, тебе бы сейчас тихонько спрятать когти.

Лу Хуэй лишь выдохнул. Нахмурился, но не мог унять мелкую дрожь в теле. Он терпеть не мог, когда трогают затылок, и ещё меньше — когда лезут к пояснице. А Мин Чжаолинь сделал и то, и другое. Но он прекрасно понимал, что на этот раз тот разозлился по-настоящему. И эта злость была куда страшнее той, что предшествовала проколу уха.

— ...Что у меня на пояснице? — спросил Лу Хуэй.

Он заставил себя успокоиться. Преодолевая дискомфорт, он вдруг сообразил, отчего внутри всё похолодело:

— ...«Мой ангел», — выдохнул он.

Не успел он договорить, как хватка стала железной. Большой палец, упирающийся в те самые четыре знака, вдавился ещё сильнее. Лу Хуэй не выдержал, голос сорвался в сдавленный стон. Затем он почувствовал, как разъярённый безумец за его спиной наклонился, прижался губами к самому уху и произнёс вкрадчиво, по слогам. Голос был тихим, но шипел, словно разогретое лезвие. И эта хватка сейчас сжимала его, грозя сломать кости. Грудь Мин Чжаолиня тяжело вздымалась, прижимаясь к его спине, и это красноречивее любых слов говорило о степени его бешенства:

— А-Мань, ты мой.

— ...Твой, твой, — покорно согласился Лу Хуэй. Он окончательно сдался перед этим психом и стиснув зубы, выдавил:

— Я твой, хорошо? Можешь отпустить?

Мин Чжаолинь всё же разжал пальцы на его шее. Лу Хуэй жадно глотнул воздух и попытался оттолкнуть руку, всё ещё сжимавшую его талию. Но Мин Чжаолинь ткнул чем-то острым ему в основание позвоночника, отчего тело мгновенно онемело:

— Не дёргайся.

Холодный голос прозвучал прямо за спиной. Лу Хуэй не понимал, что тот затеял, но Мин Чжаолинь надавил ему на затылок, и он невольно подался вперёд, слегка согнувшись. И только тогда тот отпустил поясницу. Лу Хуэй с облегчением выдохнул, но тут к его спине прижался кончик ручки, оставляя влажную чёрточку... От этого у него пошёл мороз по коже, и он был готов тут же вцепиться Мин Чжаолиню в глотку. Но в грубой силе он уступал, тем более что прозвучало новое предупреждение:

— Я сказал: не шевелись.

Лу Хуэй выдохнул, стиснул зубы и, терпя щекотку и дискомфорт, лишь слегка покраснев, позволил что-то писать на своей коже. Едва Мин Чжаолинь отстранился, как Лу Хуэй резко толкнул его в грудь:

— Псих!

Вот только кабинка была тесной, и даже оттолкнув его, Мин Чжаолинь остался слишком близко. Габариты Мин Чжаолиня говорили сами за себя, да и Лу Хуэй не принадлежал к числу хрупких типов.

— Ты какого чёрта на мне написал?! — крикнул он.

Мин Чжаолинь наблюдал за его оскаленной мордочкой, лениво крутя в пальцах шариковую ручку, и, к собственному удивлению, почувствовал внезапное удовлетворение:

— В коридоре есть зеркало.

Лу Хуэй распахнул дверь, шагнул к раковине, задрал рубашку и замер. Поверх едва проступающих знаков теперь красовались два крупных, чётко выведенных слова, напрочь перекрывшие старую метку —

«Мин Чжаолинь».

Ё***. Да он псих!

И этот псих ещё и вышел из кабинки, засунув руки в карманы. Перекошенная, лишённая улыбки гримаса, наклон головы — и холодное предупреждение:

— Сотрёшь — и я раздену тебя догола, а потом испишу своим именем с головы до пят.

Лу Хуэй: «...»

Вся его злость мгновенно сменилась невыразимой смесью эмоций.

Да блин.

Это что, реплика топового доминанта из данмэй-эротики? Он точно псих?!

Не стоило связываться с этим безумцем!

Авторское послесловие

Шшшшшшшшш.

* □□□□ - Мой Ангел. В оригинале говорится о четырёх иероглифах, но для согласованности русской речи, они были заменены на «два слова».

* 三 - Мин Чжаолинъ - Три иероглифа в оригинале, в переводе - «два слова».

<http://bllate.org/book/12898/1639763>